

Глава 78. Перемирие.

Глубокой ночью Чжан Сунь вызвала Нин Чень в палатку, где он узнал о письме от леди-стратега.

Открыв его, его глаза сузились. Похоже, Фан Линюэ не могла дожидаться, чтобы избавиться от него.

По общему признанию, у них обоих был очень похожий мыслительный процесс: оба чувствовали, что избавление от другого было самым эффективным планом.

«Скажите своей леди-стратегу, что Нин Чень будет там вовремя». Приложив силу к ладоням, он уничтожил письмо.

Услышав это, телохранитель в приветствии сжал кулак и повернулся, чтобы уйти.

«Разве ты не видишь, что это, очевидно, ловушка, ты не должен присутствовать на этой встрече», - гневно заявила Чжан Сунь.

Нин Чень покачал головой и ответил: «Ваше Величество, это наш единственный шанс, другими словами, это наша единственная надежда на победу. Неважно, что, но я должен дать шанс.

«Нет!»

«Ваше Величество, я уже настроился. Если вы действительно хотите позаботиться о моей безопасности, позвольте мне подумать, как мне уладить эту встречу завтра». Когда он это сказал, его лицо потемнело. Очевидно, он не собирался отступить.

«Ты!» Ее тело начало дрожать от подавляемого гнева. Этот ребенок практически разозлил ее до смерти!

В этот момент Цин Нинь вошла в палатку. Услышав эту новость, она бросилась туда, где громко спорили эти двое. Она немедленно ворвалась и отделила их друг от друга.

За пределами палатки Цин Нинь снова посмотрела на подростка, прежде чем ругать его: «Как ты мог так говорить с Ее Величеством?»

«Нет времени объяснять, сестра Цин Нинь, следуй за мной».

Сказав это, Нин Чень повернул к своей палатке.

Первое, что он сделал, войдя в свою собственную палатку, сразу же принес чернила и кисть, после чего составил список имен. «Сестра Цин Нинь, мне нужно, чтобы ты выполнила это в одиночку, будь осторожна и помни, возвращайся до рассвета».

Вглядываясь в список, она была ошеломлена на секунду, прежде чем слегка кивнуть головой и помчаться в темноту.

Он сидел один в своей палатке, с закрытыми глазами и размышлял. Он размышлял над тем, какой козырь может иметь Фан Линюэ.

Фань Линюэ не знала никаких боевых навыков, это было общеизвестно в этом мире. Кроме того, он сталкивался с ней раньше и не обнаружил у нее ауру практика.

В этом мире, если вы не были сяньтяньцем, было невозможно стереть свою собственную ауру.

В таком случае, на чем была основана ее уверенность?

Фан Линюэ очень хорошо предсказала свой ответ; она знала, что он не откажется от такого заманчивого предложения встретиться с ней. На самом деле он был не в состоянии отклонить это предложение, потому что это был единственный способ помочь Чжан Сунь выиграть эту войну.

Тогда почему...

Неважно, сколько он обдумывал, он не мог ничего понять.

Было ли это возможно? Был ли кто-то еще в этом мире, кто обладал оружием, которое было эффективным против боевых практиков?

До рассвета было меньше 6 часов. Тем временем Нин Чень не шевельнул ни одной мышцей, все время находясь неподвижно, размышляя и размышляя. Эта встреча была слишком важной. Несмотря ни на что, он не хотел пропустить ни одной потенциальной детали.

Днем Цин Нинь наконец вернулась. Однако Нин Чень сказал ей несколько слов, прежде чем отослать ее обратно, чтобы он мог остаться один в палатке.

После этого Чжан Сунь несколько раз приходила навестить, но Цин Нинь на входе запретила ей. В этот самый момент она была единственной, кто мог поддержать его.

Видя это, Чжан Сунь немедленно вспыхнула до такой степени, что ее лицо побелело, но Цин Нинь не сдвинулась с места ни на дюйм. Ее сердце сжималось от боли, но она стояла на своем.

По правде говоря, он сказал ей только одно: «Даже если я умру, я умру с улыбкой. Ее Величество - личность высокого воспитания, независимо от того, насколько решительной она может показаться, она также собирается достичь своих пределов. Я сделаю все возможное, чтобы воспользоваться этой возможностью, а остальное оставлю в ваших руках».

Через полдня Нин Чень выкатился из своей палатки, завернутый в много слоев одежды. Цин Нинь встала сзади, и они оба двинулись на север.

Чжан Сунь поспешила остановить его, но как только она собиралась приблизиться к подростку, она оказалась заблокированной нефритовым кулоном.

«Ваше Величество, помните, вы обещали мне две услуги? Первая была аннулирована, но теперь я хочу выполнить вторую - пожалуйста, дайте мне пройти».

Сказав это, он почтительно поклонился, это мог быть его последний поклон в его жизни, а затем обошел ее.

Чжан Сунь стояла неподвижно с нефритовым кулоном в руке, ее сердце сжалось от боли, когда она поняла его слова.

Даже сейчас эти слова отозвались эхом в ее ушах. В тот день она пообещала, что выполнит два его желания. Во-первых, ему было разрешено покинуть дворец. Она отказала без каких-либо колебаний. Сегодня он сделал вторую попытку, но она оказалась не в состоянии произнести слова отказа.

Продвигаясь сквозь холодные ветры, Цин Нинь продолжала сопровождать Нин Ченя на север. На северной стороне молодой офицер также сопровождал кого-то. Эти четверо наконец встретились лицом к лицу прямо перед закатом.

«Сестра Цин Нинь, вам пора идти», - сказал он нежным голосом.

«Ты тоже можешь уйти». Фань Линюэ взмахнула руками, спокойно отвечая командующему.

С обеих сторон на лице мужчины и женщины виднелось беспокойство. Тем не менее, у них не было выбора, кроме как развернуться и уйти, медленно исчезая в ночи.

«В последний раз мы расстались в Имперском городе, кто бы мог подумать, что мы встретимся вновь при таких обстоятельствах», - сказала она.

Тогда у нее на уме было другое дело, поэтому она не обращала особого внимания на личность Нин Ченя. Она позволила человеку, которого хотела уничтожить больше всего, уйти вот так.

Нин Чень вздохнул и оценил их текущее положение. Возможно, именно это они имели в виду под волей небес. Если бы кто-то из них тогда узнал друг друга, сегодня бы ничего не произошло.

«Как мне к вам обращаться, Юэ Лин или Фан Линюэ?» Когда он уставился на нее, он почувствовал в себе волну эмоций, которая также отразилась в его глазах. Поистине, воля небес способна играть с людьми. Кто бы мог подумать, что человек, выдавший меч в качестве прощального подарка, однажды окажется заклятым врагом.

«Это просто имя, не забудь, что ты тоже скрыл свое имя. Поскольку мы оба скрывали свои имена, ни один из нас не обманул другого».

Остановившись позади подростка, она тихо начала катать его под лунным светом так же естественно, как и раньше, без всяких претензий.

В этом мире, возможно, только она была похожей на него, и только она могла считаться родственной душой. Однако очень жаль, что оба они оказались врагами.

«Идеалы, о которых вы говорили тогда, остаются в силе?» - спросил он тихим голосом, не оборачиваясь.

Она кивнула головой и сказала: «Что касается этого, я никогда не лгала».

«Мир во всем мире и процветание для масс?» - пренебрежительно спросил он.

«Ха». Она тихо засмеялась, прежде чем сказать: «Это никогда не изменится!»

«Включает ли ваш «мир» Великий Ся, ваши «массы» включают граждан Великого Ся?» С каждым словом, которое он произносил, презрение в его голосе становилось все глубже.

«Конечно». Она ответила таким образом, что не сомневалась.

При этом Нин Чень холодно рассмеялся. На этот раз его тон вернулся к обычному спокойствию. «И тут я подумал, что я слишком толстокожий, чтобы так стесняться».

Фан Линюэ, казалось, не смутили его слова, ее элегантное лицо сохраняло обычное

спокойствие и, возможно, даже приобрело след легкомыслия, когда она слабо улыбнулась. В конце концов, было приятно пообщаться с кем-то похожим на себя, даже если они не были на одной стороне».

В этом мире она встречала слишком много дураков. Время от времени она осознавала, что Нин Чень, который заставляет ее быть настороженной, в то же время делает ее радостной.

Одиночество всегда было самой страшной вещью в этом мире, и она слишком долго была одинока.

«Фан Линюэ, что именно ты задумала? Война, начатая монголами, не только принесла потери Великому Ся, но и обернулась катастрофой для монголов. Как ты думаешь, сколько из этих 300 000 солдат смогут вернуться домой живыми? - спросил Нин Чень торжественным тоном.

«Я сделаю все возможное, чтобы привести их всех домой», - ответила она мягким голосом.

«Ха, ты действительно считаешь, что можешь взять на себя всю Великую Ся сама?!»

«Я в этом уверена», - ответил Фан Линюэ спокойным голосом.

Сказав это, они оба погрузились в минуту молчания. С тех пор, как они приняли свои отдельные точки зрения, они, похоже, не могли прийти к единому ответу, даже когда стояли вместе, как и прежде.

«Фан Линюэ, в том мире, в котором ты живешь, какую именно роль играет Великий Ся?» Когда он это сказал, глубокое чувство усталости промелькнуло в его глазах.

Мягко усмехнувшись она ответила: «Земли монголов просто слишком малы, я должна вывести их оттуда, а Великий Ся является самым большим препятствием в этом вопросе. Вот и все, что нужно сделать.

«А откуда ты знаешь, что все монгольские граждане хотят того же самого, что и ты? Это же твоя личная прихоть.

Нин Чен снова не мог сдержать свое презрение. Тем не менее, ему не нужно было делать это перед этой женщиной.

Фан Линюэ не ответила ему, а спокойно переспросила его: «Те ведь не монгол, так откуда ты знаешь, что им нравится их маленькая территория?»

«Хммм, ты сейчас просто искажаешь аргумент». Нин Чень был в ярости, но ему было нечего сказать, чтоб опровергнуть ее слова. Он не был монголом и поэтому мало знал об их землях. Все, что он знал, это то, что они жили в стране с ограниченными ресурсами.

Фан Линюэ не ошиблась, но ее методы были слишком экстремальными.

«Фан Линюэ, основываясь только на твоих словах, было убито 170 000 солдат Великого Ся и более миллиона мирных жителей. Разве ты не чувствуешь вину за это?

«Нет, путь к миру часто вымощен жертвами. То же самое и для вас, и для меня, и для них.

«Ты злишься!» Когда-то он думал, что понимает эту женщину, но сегодня он обнаружил, что был неправ. Эта женщина была не чем иным, как маньяком, и с ней невозможно было

рассуждать.

Фан Линюэ не отрицала это обвинение, а просто заявила: «Именно потому, что в этом мире слишком много нормальных людей, мир стал таким, каким он является сейчас; Какое право Великий Ся накапливает богатство Центральных равнин, в то время как монголам приходится мириться с резкой холодной зимой на севере. Мир принадлежит всем, это не мир Великого Ся».

Нин Ченю нечего было сказать на это. Такое суверенное разделение существовало с незапамятных времен, независимо от того, какая это была династия или эра. Это даже существовало в других мирах. Что касается мира во всем мире, то это всегда был идеал и ничего более. Неважно, кто это был, независимо от того, какая это была эпоха, никто никогда не реализовывал этот идеал.

«Фан Линюэ, если ты продолжишь в том же духе, то в конечном итоге уничтожишь Великую Ся и даже Монгольскую Орду. Нет такого понятия, как истинный мир и равенство во всем мире - ни в прошлом, ни сейчас, никогда-либо».

«Ты никогда не пыталась сделать это раньше, так откуда ты знаешь, что это не сработает». Фан Линюэ холодно хмыкнула, а затем продолжила: «Ты знаешь, в чем самая большая разница между тобой и мной? Дело в том, что ты не пытаешься, а мне плевать на остальных. Так что, если я потерплю неудачу? В лучшем случае я заплачу своей жизнью как искупление за тех, кто умер в этом мире».

«Однако, несмотря ни на что, я, по крайней мере, попыталась. Выйдя на тропу мира во всем мире, я, Фань Линюэ, ни разу не пожалела об этом, и я никогда не пожалею об этом».

Среди холодных ветров Фан Линюэ стояла тихо, ее красивые глаза были решительными и безжалостными. Ее жизнь была очень мимолетной. Единственное, чего она не надеялась увидеть на смертном одре, так это то, что мир останется таким же, как и раньше.

Нин Чень поправил одежду, его тело слегка дрожало от холода. Он ненавидел погоду на севере, хотя это было уже весной, но все еще было холодно...